

ЧАСТНАЯ
ЖИЗНЬ

себя, как в Эдеме. Пьем чай, что-то едим. Скоро полночь. Уже часов шестнадцать продолжается ее рабочий день. Надо бы спросить про него, но Марта все не идет из головы, присутствует незримо за столом со своей неисцелимой женской тоской по счастью и покою, которых уже не будет. И потому решаюсь узнать: не автобиографична ли Марта для самой актрисы? «В Марте заключен главный, быть может, психологический женский феномен — сила характера при инфантильности чувств. Я и сама являю собой нечто подобное, тем притягательнее для меня этот образ. В нем много

И я чувствую себя спокойно, только если уверена в том, что никто не заболел и не надо заменять спектакль, и что все артисты пришли на репетицию вовремя, и что мастерские подготовили декорации в срок, и так далее и так далее...»

Галина наливает чай, движения усталые и голос усталый, а телефон нет-нет да и опять звонит, и все про работу. А как же и где же поклонники, приемы, коктейли, именитые гости — должны же они быть, иначе что за частная жизнь знаменитости, рушится стереотип...

хлеба военной поры. И когда после спектакля весь зал встал — это была победа! Не столько моя, режиссерская, но всех тех, выстоявших в тяжелейший час, от имени которых я говорила.

А самым тяжелым испытанием для меня, для всего «Современника» было время, когда в другой театр перешел наш режиссер Олег Ефремов. Мы оставались без Учителя и без репертуара. У нас был выбор: уйти за Ефремовым в МХАТ и похоронить «Современник» или попытаться сохранить театр. И вот уже полтора десятилетия я веду с ним внутренний диалог, кто же был прав: он,

«Женщины в творчестве охотно прощают только серость. И я прекрасно знаю, как трудно пытаться говорить на равных, когда в ответ — в лучшем случае — мужчины снисходительно хвалят. В последнее время все чаще задаю себе вопрос: сколько можно? Препарирую его всячески и говорю себе: надо что-то менять, есть предел терпения, выносливости, физических сил, недоброежелательности, зависти, упреков в чем виновата и нет, сплетен, пересудов. Но... noblesse oblige. Главный режиссер, терпение, улыбка на лице, нарядная кофточка, привычная маска уверенного руководителя. Плачу очень редко, но иногда не выдерживаю и вечером, на кухне, сыну, ближе которого у меня человека нет, выплакиваю и рассказываю то, что никому другому».

Я знаю, что сын ее, Денис, уже отслужил армию, окончил институт — кинооператор. И что, воспитывая его (с отцом Галина разошлась, когда Денису было три года), она никогда не играла с ним в равенство, а старалась поддерживать и утверждать в нем личность. Это ее воспитательное кредо.

«Главное, по-моему, уважать своего ребенка, понимать, что у него есть право на мнение, отличное от вашего. Но заискивать перед ним не надо. Сейчас по телевидению, радио слышишь извинительные интонации старших, какой-то комплекс вины за то, что часть молодежи выросла без идеала. И вина, конечно, есть, но эти истерические заискивания меня прямо-таки бесят. Это обратная сторона неуважения к личности молодого человека. Разве у самого молодого человека, в какое бы время он ни рос, нет ответственности за то, что, родившись, он должен быть полезным и близким людям и обществу в целом? У них спрашивают мнение — двух слов связать не могут, что-то невразумительное лепечут. Один бог — музыка, этот их рок. Не маловато ли? Да, общий фон, на котором они росли, был не самым удачным, их общественные инстинкты неразвиты, но жить в режиме собственной невинности за собственную недоразвитость — стоит ли? Прилично ли?»

Заглядывает ли Галина Волчек в прежние зеркала? Что думает о том ахатовском «жучке, который был бегом времени когда-то наречен»? И что бы сказала она, сегодняшняя, той девочке, что прижимает сейчас к груди тетрадку с ролью и не спит ночами, мечтая о театре?

«Так быстро бегу по жизни, что не успеваю испугаться внешних перемен, а может быть, не хватает эгоизма долго всматриваться в себя. А про актерскую профессию я бы сказала девочке так: подумай хорошенько. В ней заложены изначально и раннее самолюбие, и униженность, это трудная, жестокая, коварная профессия, она зависит от всего — от вкусов времени, вкуса режиссера, публики. Всегда мучиться, жить в тревоге, считать, что можешь играть лучше и больше... Я не видела счастливых актеров, если это хорошие актеры. Так что повторю: подумай...»

Все-таки давайте конкретизируем название нашей новой рубрики. Кто же и что в вашей частной жизни, кроме сына!

«Все, о чем мы говорили, дополненное в разные годы двумя мужьями и одним заблуждением. Есть, конечно, друзья».

И все-таки я ощущаю себя счастливой, прежде всего потому, что родилась и прожила всю жизнь в своем родном «Современнике» со своими друзьями, коллегами, партнерами, на которых иногда злюсь, ненавижу, обожаю, люблю, ценю и не могу без них жить».

Наталья КРАМИНОВА.
Фото Алексея ФЕДОРОВА.

ГАЛИНА ВОЛЧЕК В ГРИМЕ И БЕЗ

Галина Волчек — главный режиссер театра «Современник». Эта должность для женщины редкий случай в истории театра. Широко известна и актриса Галина Волчек — такова особенность ее внешности и таланта: запоминаться надолго. Поколению сегодняшних «отцов», то есть 40—50-летним людям, ее имя дорого и как часть воспоминаний молодости: кто тогда не знал о «Современнике», новом молодежном театре-студии, кто не мечтал попасть на любой из его спектаклей — там билась живая мысль, слышалось новое, долгожданное слово. Время менялось, текло, но как бы потом ни складывалась жизнь артистов «Современника», им выпала все же счастливая судьба — стать важной, необходимой частью мыслей и настроений множества людей...

СЕГОДНЯ ВЕЧЕРОМ она — Марта из пьесы американского автора Эдварда Олби «Кто боится Вирджинии Вульф». Три действия этого спектакля — словно три долгих раунда жесточайшего бокса, и зрительские нервы напряжены до того, что их визг и скрежет почти слышны в тишине зала. Вот уже лет двадцать, как герои Олби, муж и жена, Марта и Джордж, сокрушают свое прошлое, свою любовь, а страданиям нет конца, потому что, в какой бы стране и в каком бы театре ни шла пьеса, ситуация объективно и горько узнаваема: все мы молодцы прицельно бить по самым близким. Но вот спектакль окончен и Марта — Галина Волчек — с еще зареванным, т а м о ш н и м лицом садится за руль своего «жигуленка» и смотрит так, словно возвращается издалека. Вернется окончательно она еще не скоро: «Хорошо, если к утру, а после первых спектаклей приходила в себя чуть ли не сутки».

Мы едем к ней домой, в район Арбата, уже поздно. В машине холодно. Грею три желтые крупные розы — зрительский подарок, они дышат чем-то особым, «премьерным», и почему-то становится очень жаль, что живешь одиножды и никогда в собственной твоей жизни не будет вот такого — опустошенного, тихого и прекрасного возвращения со сцены домой.

«Позвонил какой-то человек, немолодой по голосу, и говорит: я не артистке Волчек звоню, Марте вашей. Как она там, бедная? Прошу, скажите — обошлось? Господи, лучшая рецензия из всех, что были...»

Ее квартира из тех, где хорошо любому, ничего подавляющего, неумного, хвастливого. До этого «полнометражного» счастья достаточно долго мыкалась по коммуналкам, и в первой своей отдельной однокомнатной квартире — вчетвером — чувствовала

и общечеловеческого: мечты, иллюзии, которые принимаются за реальность, режущие границы между вымыслом и жизнью, одиночество и страх одиночества — все это живет в людях и во мне, конечно, тоже».

Она — и незрелость чувств! В это с трудом верится. И потому что я видела ее не только на сцене, но и за кулисами — ровна, сдержанна, точно «держит дистанцию». И еще потому, что за шестнадцать лет руководства театром камня на камне не должно было бы остаться от женской впечатлительности [недаром же остроумный артист Александр Ширвиндт назвал театральную атмосферу «террариумом единомышленников», преувеличивая, наверное, но тем не менее, не менее...].

«Это, наверное, для меня самое трудное преодоление — через слабость свою женскую шагнуть, ранимость. Иногда так устаешь... Когда меня спрашивают, что такое главный режиссер, я отвечаю: это терпение».

Возвращаемся к прожитому дню. «День на день не похож», — говорит. — Честное слово, сама не знаю, как вообще что-то успеваю. С телефонной трубкой научилась делать все — с ней и душ принимаю, и готовлю, стираю, одеваюсь. Утром, едва приедешь в театр, кто-то уже ждет с пьесой или сценарием, постановкой, словом, с разными идеями. Потом репетиция, но и в них вторгаются разные «ЧП». В нашем театре так сложилось, что вся и все сходится в кабинет главаря, неважно, я ли это или кто-то другой. Бесконечные проблемы, вопросы, крупнее и не очень, и даже совсем мелочи, такие, что думаешь: ну почему, почему главный режиссер должен ими заниматься? И все это — каждодневная жизнь театра, его обстановка, которая существует, как и в любом учреждении.

«Слава богу, сын удачно женился, невестка помогает с этим бытом окаянным. А так — раз в неделю в магазин, набью багажник, чем есть — и хорошо. Ну и на рынок иногда заедешь. Вчера так закрутилась, что забыла яблоки из машины достать, замерзли, конечно».

Частная моя жизнь — та же работа, то же бесконечное «прокручивание» возможных решений и выбор лучшего. Читать и то едва успеваю, а сейчас так много интересного в журналах — жалко пропускать. Из газет люблю вашу.

Вообще я иногда на себя просто с ужасом смотрю. Единственно, наверное, наивная женская черта, мной хранимая, — интерес к нарядам, да и тот... Надо мной довлеет давний разговор с Верой Петровной Марецкой. Она, когда узнала, что я собираюсь перейти в режиссеры, воскликнула: «Какой кошмар! И ты будешь ходить в строгом мужском синем костюме и с портфелем под мышкой?» Тогда был такой стереотип режиссера. И вот теперь перед премьерой я вспоминаю: Вера Петровна, Вера Петровна. Надо шить новое платье. Вот такой рудимент женской жизни...»

Такая длинная уже жизнь в театре, кино... Получены звания, премии, признание, приглашение первым советским режиссером на постановку в США. Что было самым радостным и горестным потрясением в ее профессиональной жизни!

«Самым счастливым был, наверное, день премьеры спектакля «Эшелон» в Америке. Это пьеса про войну. Полтора месяца ушло на постановку, мне не верилось, что американские артисты, звезды, не знаящие военной бедности, смогут понять и почувствовать русское горе. И тем не менее — поняли, почувствовали и великолепно сыграли. И зал понял — зал роскошно одетых, богатых людей, никогда не знавших цены куска

предлагавший нам уйти вместе с ним, или мы, оставшиеся...»

Обидно, что не сложилась моя судьба в кино. Словно одну играла бесконечно длинную роль, только поделенную по кусочкам. И все какие-то полумонстры. Исключение только у режиссера Козинцева в его «Короле Лире»...

За эти шестнадцать лет путь «Современника» не был ровным, как не может быть ровным путь любого театра. Но приговор, иначе не назовешь, «Современнику» критики, эта мода на его уничтожение: «Вы должны были умереть и вы умерли, вас нет, вы были» — буквально гипнотизировала читателя и зрителя. Да, бывали компромиссы, ошибки в репертуаре. «Датские» — к датам — подарки не лучшего свойства тоже случались. Но ставился и шел спектакль «Восхождение на Фудзияму» Чингиза Айтматова — о честиности перед временем и собой, когда эта тема была чуть ли не неуместна. С девятой попытки пошел спектакль «Провинциальные анекдоты» Вампилова, хотя даже спортсменам даются лишь три попытки. Это был какой-то новый вид спорта. А пьеса «Эшелон» Михаила Рошина, которая впоследствии с огромным успехом шла в пяти странах, репетировалась в маленькой комнатке и право на жизнь заслуживала полгода. И хочется поблагодарить всех тех, кто остался верен нашему театру, и что знакомое «нет ли лишнего билетка» по-прежнему слышно у входа».

Интересно, прощается ли ей окружением тот факт, что она — женщина! Почему-то так повелось, что женщины-лидеров, личностей, не очень-то жалуют и если они идут к звездам, то уж через такие тернии... Да, на словах все — за, и в президиум посадят, и скажут о равноправии почтительные слова, а на деле, за спиной, шепот, сплетни, зависть.